

Стравинский и Санчо Панса в одном лице

В «Доме Нащокина» открыта выставка,
посвященная Рудольфу Нурееву

Нуреев вернулся в Россию перед самой смертью, и последовавшая шумиха вокруг его имени была отнюдь не лучшего тона. Можно было бы подумать, что великому танцовщику к лицу только одна легенда — СПИД, гомосексуализм, скандальные мемуары и фантастическое, почти курьезное богатство. Экспозиция в галерее Натальи Рюриковой (Воротниковский пер., 12) на этом фоне выглядит почти аскетичной: известные фотографии Ричарда Аведона и лорда Сноудона соседствуют с обычными репортажными снимками, пышная живопись в тяжелой раме — с графикой, на манекенах надето несколько невероятно женственных сценических костюмов — стразы, кружево, оборки, вышивки и немножечко ткани, на телемониторах идет запись «Лебединого озера» с Марго Фонтейн, и одна стена покрыта огромными фотопостерами, где запечатлен знаменитый интерьер жилища Нуреева на набережной Вольтера. Сразу в глаза бросается только кадр, увеличивший стопу танцовщика, вздернутую на пуант: ее анатомическая красота. Все это получено от Цюрихского фонда Нуреева и парижского музея Карнавала. Идея, объединяющая на выставке осколки жизни Нуреева, проста и очевидна — его частная жизнь прочно спаяна с творчеством, и в адажио с Фонтейн куда больше интимно-личного, чем во всех воспоминаниях его любовников. Впрочем, главным открытием, может быть, станут именно воспоминания. К печати в журнале «Киносценарии», неотделимом от галереи «Дом Нащокина», готовится книга Марио Буа «Рудольф Нуреев». Этот известный музыкальный издатель был мужем балерины Клер Мотт и многие годы дружил с Нуреевым. Мы публикуем небольшой отрывок из этой книги.

«...Я нашел свою запись: «Рудольф — центристическая сила. Все должно устремляться к нему, все должно делаться так, как он хочет. Он говорит быстро, отрывисто, на безупречном английском и ломаном французском. Если просишь его повторить сказанное, он злится. Мы должны понимать все сразу, все ловить на ле-

ту. Да, он был очень умен, говорил мало, короткими фразами, иногда очень серьезным тоном, иногда шутовским — и тогда с неотразимым обаянием сопровождал свои слова легкой улыбкой. Забавляясь, он бросал циничные реплики, пускал стрелы печального, с оттенком разочарования цинизма, столь свойственного славянам.

Я имел счастье в течение 11 лет встречаться с великим человеком — Игорем Стравинским, и он разговаривал точно так же: отрывистые фразы, произнесенные серьезным тоном, неожиданные, невозможные предложения, ирония, насмешка, которая могла бы показаться злой, если бы не его славянское обаяние. Стравинский, как и Рудольф, говорил мало и умел слушать собеседника. То, что он высказывал в немногих словах, всегда сбивало с толку. Русский юмор обоих был одной природы — скрытый, равно державшийся и на словах, и на недомолвках. Конечно, Стравинского, создателя великих произведений, человека очень образованного, утонченного и изысканного, человека высочайшей культуры, прозванного «князем Игорем», явно нельзя поставить на один уровень с Нуреевым — выходящем из низов, который сам пробил себе дорогу с помощью воли, таланта, мускульной и нервной энергии. Нуреев обладал куда менее отточенным умом, вкус его подчас оказывался сомнительным, шумный образ жизни не всегда помогал скрыть мужицкую грубость.

Рудольфа, как и Стравинского, невозможно было ввести в заблуждение: он знал истинную цену человеческой комедии, интригам, лести, пустоте светских отношений, фальшивой дружбе. Поль Вальери в «Господине Тесте» предлагает сломать марионетку. Именно об этом и идет речь. «Хорошо прошел обед в твою честь? — Угу... — Тот критик, который тебя не любил, написал о тебе хорошую статью. — Угу...» Рудольф даже часто пользовался этим выражением — «сломать марионетку».

Мы всегда заранее подъезжали к его дому на набережной Вольтера. Чаше всего — утром ли, вечером ли — он только-только вставал

Этюд

с постели. Вокруг него суетились два-три человека. Во что превращалась тогда роскошная квартира, битком набитая произведениями искусства! Это было поле битвы, баракхолка: на полу раскритые чемоданы, сценические костюмы, грязные трико, изношенные туфли, дырявые гетры вперемешку с новыми, чистыми, растрепанные партитуры, несессеры, шарфы, вязаные шапочки... На столе горой навалена неразобранная почта. В гостиной царил прекрасный клавесин XVIII века, на котором Рудольф обожал играть, когда у него выдавалась свободная минута, а это случалось нечасто.

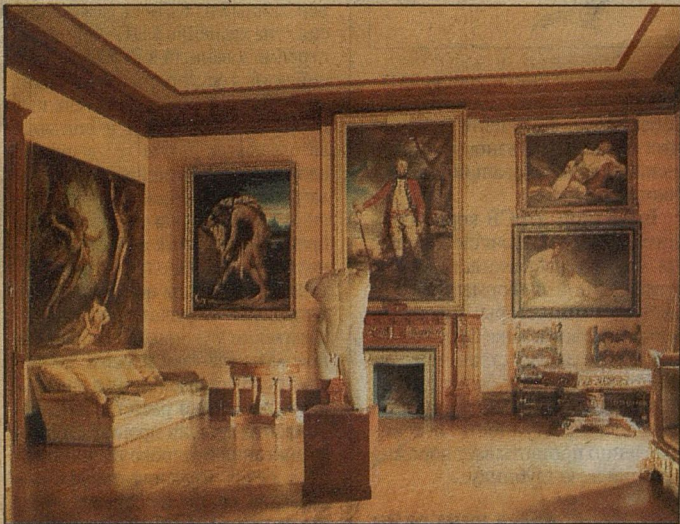
И Стравинский, и Нуреев — оба были страшно жадны до наживы, словно хотели прежде всего убедиться в собственной рыночной стоимости. Они приобрели американский менталитет, которому присуще измерять ценность человека количеством имеющихся у него долларов. Но Стравинский (обеспечивавший семьи четверых своих детей) был корыстным, а Нуреев — приходится признать — скупым, что очень неожиданно при таком великодушии на сцене. Может, это осталось у него от нищего, голодного детства, от тайного страха, что не на что будет жить?

Зато принимал он у себя на широкую ногу, устраивал роскошные обеды, а в обычные дни кормил всех подряд. Стравинский умел неделями сидеть взаперти и писать. Если он ради развлечения обедал не один, то вдвоём с женой

или с кем-нибудь вчетвером. Рудольф предпочитал окружать себя многочисленной свитой, чтобы не оставаться одному. Сколько его помню, он вечно сидел без денег. Как только они у него заводились, немедленно покупал какое-нибудь произведение искусства. Стены парижской столовой Нуреева были сплошь покрыты картинами, висевшими вплотную друг к другу, словно камешки мозаики.

Ему нравилось обладание. Что могло его успокаивать, помочь ему укрепиться и показать свои возможности? Иметь свой дом. У Рудольфа их было шесть: квартиры в Париже и Нью-Йорке, дома в Лондоне и Сен-Бартельми, ранчо в Америке и остров Галли, в сорока минутах морем от Капри. Известно, что убежище на острове имеет философское значение. Это высшая награда, обещанная Санчо Пансе Дон-Кихотом. Как-то я сказал Рудольфу: «Знаешь, ты со своим островом напоминаешь Санчо Пансу». — «А я-то воображал себя Дон-Кихотом!»

...И только теперь мне все становится понятным. «Как ты, Рудольф?» — «Выживаю...» Он делал все, чтобы прожить на ногах еще несколько месяцев. Лечь — означало умереть. Его интересовали не деньги, а только танец, единственная, великая любовь его жизни. Танцевать для того, чтобы прожить еще немного, чтобы не умереть...»

Интерьер квартиры Нуреева в Нью-Йорке